

и рост зубов у животного. В очерке даются также некоторые сведения по народн медицине.

В последнем очерке «Религиозные верования» рассмотрены шаманские и ламаи ские культы и воззрения, причем много места отведено церемониям, связанным с называемыми «посвященными» животными. Даны также описания погребальных об дов и церемоний.

В заключение хотелось бы еще раз отметить, что книга содержит обильный о гинальный материал по культуре и быту, хозяйству и социальным отношениям туви цев, материал тем более ценный, что с каждым днем он исчезает, уходит безвозвратн из жизни тувинского народа, строящего новую культуру в братской семье советски народов. Книга, несомненно, будет встречена с интересом не только специалистами но и широкими кругами советских читателей.

Положительной чертой ряда очерков о дореволюционном быте тувинцев нужн признать и отдельные сопоставления с современным бытом. Это в известной мер позволяет представить реальную картину жизни тувинцев в настоящее время.

Н. А. Кисляк

Г. П. Васильева. Преобразование быта и этнические процессы в Северном Туркменистане. М., 1969¹.

Автор рецензируемой работы Г. П. Васильева — опытный, способный и неутомимый исследователь этнографии народов Средней Азии, и прежде всего туркменског народа². В книге обобщены результаты ее многолетних исследований в Северном Туркменистане. Все интересующиеся этнографией Средней Азии найдут в этой книге много интересного. Особенно рады выходу этой давно ожидаемой книги историки и этнографы Туркменской ССР.

Ожидание не обмануло нас. Несмотря на то, что в работе имеется ряд положений, с которыми, возможно, не согласятся некоторые специалисты по истории и этнографии Туркменской ССР, каждый из них должен будет признать, что по обилию добротного фактического материала, по обоснованности и глубине выводов эта книга представляет крупное событие в историографии Туркменистана. Вряд ли нужно подробно говорить об отличном знании Г. П. Васильевой литературы вопроса. Но хотелось бы сказать не сколько слов об источниковедческой базе исследования.

Главным источником сведений о хозяйстве, культуре и быте населения Северног Туркменистана для автора стали полевые исследования, в частности многолетние стационарные работы в Тахтинском районе. Кроме полевого материала при подготовке монографии широко использовались данные периодической печати на туркменском русском языках, а также данные местных архивов. Широта источниковедческой базы разнообразие привлекаемых источников обеспечивают исследованию Г. П. Васильеве надежную фактическую основу.

Однако приходится признать, что автор недостаточно использовал имеющиеся возможности для более конкретной и обстоятельной характеристики хозяйства и культуры населения Северного Туркменистана к началу осуществления там социалистическ преобразований, т. е. к середине 20-х годов. Недостаточно полно использованы богатые и интересные материалы статистических обследований Ташаузского округа в 1925–1926 гг., частично опубликованные в сборнике «Туркменская ССР в цифрах» (Ашхабад, 1930) и в Бюллетенях ЦСУ ТССР. Вследствие этого характеристика исследуемого объекта получилась чрезмерно общая, что может помешать читателю полностью понять и оценить значение результатов исторического развития в описываемый период.

Основной части исследования, охватывающей период с середины 20-х до середины 60-х годов, предпослан исторический очерк, в котором дается глубокий анализ процес сов развития туркменского народа и его взаимоотношений с другими народами данного региона. Г. П. Васильева разделяет мнение преобладающего большинства советских историков и этнографов, признающих наличие у туркмен древних земледельческих традиций и прямых этнических связей с дотюркским населением Северного Хорасана и Хорезма. Автор пишет о том, что, как и большинство туркменских племен северные туркмены не были чистыми кочевниками, а вели полуседлое хозяйство в границах земледельческих и скотоводческих районов западной половины Хорезмског

¹ В этой книге глава «Общественная и культурная жизнь» написана В. Н. Басиловым.

² Г. П. Васильева, Туркмены-нохурли, «Среднеазиатский этнографический сборник», I, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», т. XXI, М., 1954; см. также этнографические разделы статьи «Туркмены» в сб. «Народы Средней Азии и Казахстана», II (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), М., 1963; С. М. Абрамзон, К. И. Антипина, Г. П. Васильева, Е. И. Махова, Д. Сулайманов, Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан, «Тр. Ин-та этнографии АН СССР», Нов. серия, т. XXXVII, М., 1958, и др.

оазиса. Противники этой точки зрения пока не смогли представить убедительных доводов в свою пользу.

Многие страницы работы посвящены описанию коренного преобразования хозяйства в Северном Туркменистане. Г. П. Васильева, оперируя богатейшим фактическим материалом, дает подробную характеристику современному крупному, механизированному сельскому хозяйству, которое сменило существовавшее всего 40 лет назад патриархально-натуральное хозяйство северных туркмен. Впервые в нашей литературе дается такое подробное и яркое описание труда туркменских чабанов — подлинного искусства, впитавшего тысячелетние традиции скотоводов Арало-Каспийских степей.

Наиболее интересны и содержательны главы, посвященные материальной культуре, семье и общественной жизни населения Северного Туркменистана. Читатель получает четкое представление о коренных изменениях, происшедших за годы Советской власти в жилище, одежде, пище населения Северного Туркменистана, узнает о современном состоянии семейно-брачных отношений и положении женщины в семье и обществе, о традиционных и новых обрядах, об общественных организациях современного села и многих других сторонах семейной и общественной жизни.

Процессы преобразования быта и этнических отношений показаны в развитии. Выводы, сделанные Г. П. Васильевой на основе многолетних исследований, помогают понять значение новых, социалистических отношений в деле преобразования быта. Кроме того, автор прослеживает различные остатки и пережитки старого, самым причудливым образом влетающими в новый быт. При этом обращается внимание на то, что многие старые формы, наполняясь новым содержанием, теряют прежнее качество и успешно «врастают» в социалистическое общество. Так, традиционные мужские собрания «гуррун» и «денгене», объединявшие ранее мужчин одного возраста, превратились в вечера отдыха людей одной профессии, хотя и не всегда одного возраста.

Но сложность исследуемых автором процессов не только в этой многоплановой борьбе наступающего нового с уходящим, но еще цепляющимся за жизнь старым, но и в том, что происходят они в многонациональной среде, на основе двух тенденций национальных отношений в социалистическом обществе — расцвета и сближения наций. Г. П. Васильева на богатом фактическом материале показывает, что в Северном Туркменистане, где живут представители равноправных социалистических наций, идет непрерывный процесс сближения и взаимопроникновения национальных культур. Подлинно интернационалистское направление книги — одна из самых сильных ее сторон. Монография Г. П. Васильевой несомненно наносит сильный удар антинаучному «творчеству» идеологов антикоммунизма, пытающихся сделать ставку на тщетно ожидаемое ими обострение национальных отношений в СССР.

Следует отметить, что автор приводит материалы по ряду тем, органически входящих в проблематику рецензируемой книги, но имеющих и самостоятельное значение.

Таковы, например, материалы о большесемейной туркменской общине и ее пережитках в настоящее время, о языковых проблемах в Северном Туркменистане и т. д. В частности, важен вывод о том, что языком межнационального общения туркмен, узбеков, казахов и каракалпаков Северного Туркменистана обычно служит туркменский язык.

Очень интересен краткий исторический очерк о развитии туркменского жилища. Собранные Г. П. Васильевой данные должны положить конец утверждениям, что северные туркмены в прошлом не знали иного жилья, кроме юрт и шалашей. Убедительно говорит автор о взаимопроникновении культуры южных и северных туркмен в ходе консолидации туркменской социалистической нации, о выдающейся роли татарской интеллигенции на первых этапах развития туркменской социалистической культуры, о переходной роли городской культуры, где наиболее активно идут процессы интернационального сближения, о постепенном преодолении существенных различий между городом и селом и т. д.

Необходимо остановиться еще на одном вопросе — вопросе формирования и консолидации туркменской нации. В заключительной главе своего исследования Г. П. Васильева отмечает следующее: «Первый этап сложения туркменской нации, начавшийся еще задолго до революции, но завершившийся в первые годы существования Советской власти, заключался в сплочении вокруг одного из крупных племен более мелких этнических групп туркмен, живущих рядом с этим крупным племенем или в его окружении» (стр. 375).

Ассимиляция крупным племенем мелких этнических групп, оказавшихся в сфере его влияния, — процесс, известный с давних времен. У туркмен эти процессы привели еще в средние века к тому, что более крупные племена инкорпорировали более мелкие племенные группы (например, группы газак, гарамугал, кипчак, мукры и т. д.), которые полностью усвоили их быт и культуру и сохранили лишь свое племенное имя. Накануне Октября в Туркмении были четыре крупных племенных группировки: текинцы на юге, эрсари на востоке, прикаспийские йомуды на западе и хорезмские йомуды на севере Туркменистана. Сравнительную обособленность при этом сохранили човдуры, сарыки, голкены и некоторые мелкие племена и этнические группы.

Ассимиляция мелких племен способствовала дальнейшей консолидации туркменской народности, что было условием для последующего сложения туркменской буржуазной нации: особенно явственно элементы этого процесса проявились до Октября только в наиболее развитом южном районе.

Из-за политико-административной разобщенности Туркменистана и крайне слабой степени советизации хорезмских и бухарских туркмен процесс ассимиляции малых племен продолжался здесь вплоть до национального размежевания Средней Азии (1924 г.), после чего он сменился качественно новым процессом сложения туркменской социалистической нации, который на юге и западе Туркменистана начался несколько раньше, сразу после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

В целом монография Г. П. Васильевой чрезвычайно ценное и интересное исследование, которое будет очень полезно всем интересующимся современными этническими социальными процессами, происходящими не только в Туркменистане, но и на всем Советском Востоке. Нельзя при этом не высказать сожаления по поводу отсутствия указателей и чрезвычайной краткости оглавления, что очень затрудняет пользование книгой.

А. А. Росляк

С. А. Арутюнов, Д. А. Сергеев. Древние культуры азиатских эскимосов (Уэленский могильник) М., 1969, 205 стр.

В современном североведении общепринятой является точка зрения, что предки эскимосов пришли в Америку из Азии. Поэтому для выяснения происхождения этого народа особое значение имеют археологические исследования на северо-востоке Азии там, где когда-то начинался берингоморский мост, по которому люди могли беспрепятственно перейти на Аляску. Между тем древнеэскимосские культуры на азиатском побережье Берингова пролива до сего дня остаются менее изученными, чем родственные им культуры американского берега. Именно поэтому и для советских, и для зарубежных исследователей Севера столь большой интерес представляет только что вышедшая монография С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева об Уэленском могильнике, замечательном по своему богатству памятнике эскимосской культуры на Чукотке.

Уэленский могильник был открыт в 1955 г. Д. А. Сергеевым, а в 1957—1960 г. детально исследован Чукотским отрядом Северной экспедиции под руководством М. Г. Левина, а позднее Д. А. Сергеева. Здесь было раскопано 76 погребений и вскрыта общая площадь свыше 500 м². Рецензируемой публикацией вводится в широкий научный оборот весь обширный материал, собранный за время раскопок. Уже одно это делает монографию С. А. Арутюнова и Д. А. Сергеева ценнейшим источником по древней истории Северо-Восточной Азии. Кроме того, в работе рассматриваются и некоторые общие вопросы развития эскимосской культуры, а также ее историография.

Монография состоит из введения, девяти глав (гл. I — Русская историография об эскимосской проблеме; гл. II — Вопросы хронологии и соотношения древнеэскимосских культур района Берингова моря; гл. III — Уэленский могильник. Общая характеристика; гл. IV — Комплекс зверобойного снаряжения из Уэленского могильника; гл. V — Проблема крылатых предметов; гл. VI — Характеристика орудий подсобных промыслов древних эскимосов; гл. VII — Предметы быта, домашнего обихода и вспомогательного охотничьего снаряжения; гл. VIII — Орудия обработки дерева, кости и камня; гл. IX — Изобразительное искусство) и трех приложений.

Приложения посвящены исследованию антропологических материалов Уэленского и также Эквенского могильников и включают «Одонтологический анализ черепных серий из Эквенского и Уэленского могильников» А. А. Зубова, «Патологические изменения на скелетах из Эквенского и Уэленского могильников» Г. В. Лебединской и «Состояние зубочелюстной системы древнего населения Чукотки» Т. С. Сурминой.

Во введении авторы сообщают некоторые общие сведения об эскимосах, о Чукотке и о крупнейших могильниках, Уэленском и Эквенском, обнаруженных на этой территории.

В первой главе подробно рассматривается вклад русских дореволюционных и советских ученых в решение эскимосской проблемы. Думается, что ограничение историографии отечественными исследованиями вполне оправдано, так как она освещена в существующей литературе значительно менее полно, чем история зарубежных исследований по эскимосской проблеме. Авторы подробно разбирают и критически анализируют взгляды каждого из русских ученых.

Большой интерес представляет вторая глава, посвященная историческому соотношению древнеэскимосских культур. В ней, в частности, убедительно доказывается ошибочность широко распространенной точки зрения, что оквикская культура предшествует древнеберингоморской, и развивается мысль, что оквик представлял собой локальный вариант древнеберингоморья или же сосуществовал с ним, но никоим образом не предшествовал ему.

В третьей главе описывается каждое из погребений Уэленского могильника. Заканчивается она тщательно разработанной таблицей, дающей статистическую характеристику элементов конструкций могил и найденного в них инвентаря.

В главе четвертой привлекает особое внимание разработанная авторами типология наконечников гарпунов. Это оказалось необходимым, так как значительная часть этих предметов, найденных в Уэленском могильнике, не укладывается в известную класси-